

Польским властям вновь неймётся. В который уже раз они устраивают пропагандистские пляски вокруг фальшивки, запущенной в своё время министром пропаганды Третьего рейха Геббельсом, о том, что НКВД СССР по приказу Сталина весной 1940 г. расстрелял тысячи польских военнопленных офицеров.

Польским властям вновь неймётся. В который уже раз они устраивают пропагандистские пляски вокруг фальшивки, запущенной в своё время министром пропаганды Третьего рейха Геббельсом, о том, что НКВД СССР по приказу Сталина весной 1940 г. расстрелял тысячи польских военнопленных офицеров.

КАК ИЗВЕСТНО, фальшивка эта со временем обросла соответствующей “документацией” и стала чуть ли не официальной версией. Но ведь есть и подлинные документы, есть блестяще, прежде всего документально, аргументированные книги современного историка-исследователя Юрия Игнатьевича Мухина — “Катынский детектив” (М., 1995) и “Антироссийская подлость” (М., 2003). Книги, в которых с абсолютной исторической точностью доказано, что расстрел поляков в Катыни — дело рук гитлеровских варваров!

Не будем здесь касаться документальных свидетельств военных и послевоенных лет, неоднократно публиковавшихся. Есть и другие свидетельства, не менее

убедительные.

За период кратковременного действия советско-германских договоров о ненападении и о границе
в период
с 23 августа
1939 г.
по 22 июня
1941 г. органы госбезопасности СССР раскрыли
66 резидентур
германской разведки
на советской
территории, разоблачили
1569 германских
агентов,
из них
1338 —
в западных
областях Украины
и Белоруссии,
а также
в Прибалтике.
Кроме того, непосредственно
на границе
было обезврежено свыше
5000 германских
агентов, разгромлено около
50 оуновских
отрядов, подготовленных германской военной разведкой.

Так вот, ни в одном из этих случаев не было захвачено каких-либо документов и ни разу
ни от одного
из арестованных
не были
получены сведения
о том,
что германская
агентура хоть раз сообщала
в Берлин
что-либо
отдаленно напоминающее
о расправе

советских чекистов
с польскими
офицерами.
Не было
получено
и
каких-либо
сведений
о том,
что им
хоть
в
какой-либо
форме давали задания
по этому
вопросу.
А ведь,
по фальшивке,
расстрел польских военнопленных был совершен якобы еще весной
1940 года.

Уж поверьте, если такой факт имел бы место, то тевтоны обыграли бы эту ситуацию в свою пользу. Геббельс свое дело знал. Когда, например, во время западного похода (разгром Франции) вермахт захватил документы, свидетельствовавшие о планировании Великобританией и Францией бомбовых ударов по советским центрам нефтедобычи и переработки на Кавказе и в Закавказье, Берлин немедленно опубликовал их, поиздевавшись и над англо-французской коалицией, и над Москвой.
А что могло бы им помешать осуществить такую же

публикацию
или провокацию,
если бы
они хоть приблизительно знали,
что Советы
расстреляли польских офицеров?!

Далее. Во время освободительного похода на Западную Украину и в Западную Белоруссию были захвачены документы польской приграничной “пляцувки” (разведотделения), которая занималась разведкой в приграничных районах Советского Союза. Оказалось, что “пляцувка” имела агентуру не только на Украине (в Киеве), не только в Белоруссии (особенно в приграничных районах), но даже и в глубоком тылу СССР — в Сибири (в Новосибирске), в Средней Азии (в Ташкенте). Часть ее была обезврежена. Другая часть сумела временно уйти из поля зрения органов госбезопасности СССР.

С точки зрения разоблачения подлого мифа о расстреле советскими чекистами польских офицеров, может, хорошо, что часть польской агентуры на некоторое время выпала

и

из поля
зрения органов госбезопасности СССР. Потому как до нападения Германии
на СССР
ни один
из временно
оставшихся
на свободе
польских агентов “пляцувки” никогда
не сообщал
о
каких-либо
фактах якобы имевшей место расправы советских органов госбезопасности
с пленными
польскими офицерами.
Если бы
был хоть малейший признак этого, то, смею вас уверить, беспрецедентное русофобство
руководства польской разведки того времени автоматически
взяло бы
верх
и тут же
по дипломатическим
каналам
был бы
поднят шум
на весь
свет, что, мол, большевики перестреляли их офицеров.

Тем более что полякам было легко это сделать, потому как еще в ноябре 1939 года
находившееся тогда
в городке
Анжер
(на северо
-западе Франции) эмигрантское правительство Польши (создано
30 сентября
1939 г.) официально объявило войну Советскому Союзу. Обвинить противника
в жестокой
расправе над военнопленными
(к слову
сказать, это идиотское объявление войны Советскому Союзу как раз
и привело
к тому,
что из интернированных
польские военнослужащие,
в том

числе
и офицеры,
превратились именно
в военнопленных) —
самое милое дело! Тут уж
включилась бы
вся “демократическая общественность” Запада.
Но ничего
подобного поляки
не делали
вплоть до 1943 г.,
то есть
до тех пор, пока Геббельс
не “осчастливил”
их своей варварской мистификацией. Следовательно,
у польской
разведки
не было
ни малейших
сигналов
по этому
поводу, как
не было
и самого
такого варварского события. Пока
из-за
начавшейся войны эти польские офицеры,
к глубокому
сожалению,
не попали
в руки
гитлеровцев.

Но до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз польские
военнослужащие,
его же
эмигрантского правительства ставшие военнопленными, находились
под защитой
Женевской конвенции
от 27 июля
1929 г.
об улучшении
участи раненых
и больных

по милости сво

в действующих
армиях. Советский Союз официально присоединился
к этой
конвенции еще
12 июля
1930 года.
Полностью юридическое оформление этого присоединения было осуществлено
должным образом уполномоченным наркомом
по иностранным
делам СССР М. М. Литвиновым
25 августа
1930 года:
РГАСПИ
(ранее —
ЦГАОР СССР). Ф. 9501. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 22. Советский Союз строго соблюдал
положения этой конвенции.

После начала Великой Отечественной войны находившееся в Лондоне руководство
польской военной разведки
не без нажима
британской разведки пошло
на сотрудничество
с советской
разведкой.
В первых же
контактах выяснилось,
что поляки
располагали глубоко законспирированной агентурной сетью
не только
на оккупированной
гитлеровцами территории Польши
(а также
почти
во всех
странах Европы),
но и на бывших
польских территориях, которые
в 1939 году
были заняты войсками Красной Армии
и в результате
отошли
к СССР.
Более того, оказалось,
что польская

военная разведка обладала действительно хорошими агентурными возможностями на этих территориях и была в состоянии добывать практически любые сведения о действиях как немецких, так и советских властей. Так вот, за весь период сотрудничества с советской разведкой руководство польской военной разведки ни разу не предъявило никаких претензий и уж тем более протестов в связи с якобы имевшими место расстрелами.

Во время переговоров в июле 1941 г. с советским послом в Лондоне И. М. Майским о заключении между СССР и Польшей пакта о военной взаимопомощи против гитлеровской Германии также не возникло никаких вопросов по этому поводу. Напротив, поляки настойчиво требовали полного освобождения всех своих граждан, находившихся в советском плену. Выходит, требуя их освобождения, поляки заведомо и твердо знали, что Советы никого из этих пленных

не расстреливали.

По настоянию

польской стороны

и с санкции

Сталина такая формулировка была отражена

в особом

протоколе

к пакту

(подписан

30 июля

1941 г.). Она гласила,

что правительство

СССР “предоставит амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне

в заключении

на советской

территории

в качестве

ли военнопленных,

или на других

достаточных основаниях” (“Внешняя политика Советского Союза

в период

Отечественной войны”, М., 1944, т. I,

стр. 121).

И когда в декабре 1941 года в Москве состоялась встреча польской делегации со Сталиным,

то по данному

вопросу Верховный Главнокомандующий ответил коротко,

но ясно:

“Мы освободили всех, даже тех, которые прибыли

в СССР

с вредительскими

заданиями генерала Соснковского” (министр обороны

в польском

эмигрантском правительстве

в Лондоне. —

А.М.).

Очевидно, что и в 1941 г. поляки никак не поднимали тему якобы расстрелянных НКВД польских офицеров.

А ведь любой

визит любой правительственной делегации

в иностранное

государство априори обеспечивается информацией разведки.
Тем более
во время
войны. Значит,
и на тот
момент польская военная разведка
не располагала
никакими сведениями
на этот
счет,
и всего
лишь
по той
простой причине,
что советские
чекисты
не устраивали
такого варварства. Агентурная сеть
на этих
территориях
в любом
случае
зафиксировала бы
расстрел нескольких тысяч польских офицеров,
тем более
что польская
разведка вела негласное наблюдение
за ними.
Подчеркиваю,
что прямо
или косвенно
польская агентура
узнала бы
об этом
и по радио
(по данным
советских органов госбезопасности, она практически вся была радиофицирована)
сообщила своему руководству
в Лондон.
Но ничего
подобного
не было.

Ну и, наконец, самые убойные аргументы. В направленном в Генштаб и ГРУ

“Спецсообщении
о подготовке
Германией войны против СССР”
от 3 июня
1941 г. разведотдел Западного особого военного округа сообщил уникальную деталь,
связанную
с интернированными
польскими офицерами. Было установлено,
что забрасывавшаяся
германской военной разведкой
на советскую
территорию агентура имела
в том
числе
и задание
выяснить, “призываются ли
в Красную
Армию офицеры бывшей польской армии, если да,
то каково
их отношение
к этому
мероприятию
и их
моральный облик”! (Кто
не верит,
пусть заглянет
в архивы:
РГВА Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6.
Л. 181 —
187).

А это означает, что в указанное время все превратившиеся из интернированных в
военнопленных
бывшие польские военнослужащие были живы.
То есть
НКВД СССР их
не расстреливал!
И германская
военная разведка твердо знала
об этом.
Ибо
(к сожалению —
для предвоенной
ситуации,

но к счастью —
в связи
с так
называемым Катынским делом) она была осведомлена
о развернутом
в приграничных
военных округах интенсивном строительстве аэродромов,
в котором
польские военнопленные, включая
и офицеров,
активно использовались.

Дело в том, что в соответствии с постановлением от 24 марта 1941 г. Совета Народных
Комиссаров СССР
ВКП(б) и ЦК
в целях
обеспечения боеспособности ВВС страны
в новых
условиях
на НКВД
СССР были возложены функции аэродромного строительства
в западных
приграничных округах (ЗАПОВО).
Во исполнение
данного постановления приказом НКВД СССР
№ 00328 от 27 марта
1941 г.
в составе
НКВД было организовано Главное управление аэродромного
строительства —
ГУАС. Работы
в ГУАС
велись силами заключенных, приговоренных
к исправительно
-трудовым работам,
а также
польских военнопленных, которые трудились
на строительстве
11 объектов
ГУАС
в ЗАПОВО.

По состоянию на 15 июня 1941 года на объектах аэродромного строительства в западных приграничных округах использовались 225 791 заключенный и 16 371 польский военнопленный, в том числе и офицеры. Кто не верит, пусть заглянет в архивы: ГАРФФ. 9414. Оп. 1. Д. 1165. Л. 60. Вот почему германская военная разведка и ставила перед забрасывавшейся на советскую территорию агентурой задание выяснить, “призываются ли в Красную Армию офицеры бывшей польской армии, если да, то каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик”. Абвер достоверно знал, что все польские офицеры живы и используются Советами на строительстве оборонительных объектов в западных приграничных округах. К глубокому сожалению, в суматохе и неразберихе первых мгновений войны польские военнопленные попали в лапы к гитлеровцам. А дальше — та самая трагедия в Катыни...

Сколько же еще нужно фактов и доказательств, чтобы раз и навсегда покончить с чудовищной фальшивкой, столько лет отравляющей отношения между нашими народами?

Арсен МАРТИРОСЯН